

Сафаров Григорий Иванович

**Классы и классовая борьба в
китайской истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г83

Г83 **Григорий Иванович С.**
Классы и классовая борьба в китайской истории / Сафаров Григорий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 363 с.

ISBN 978-5-519-84936-4

ISBN 978-5-519-84936-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

была найдена и в Индии.¹ Само собой разумеется, что все это не может быть случайным совпадением. Изделия, выделанные с помощью гончарного колеса и украшенные определенным геометрическим орнаментом,² в Европе и на Ближнем Востоке встречаются на той стадии, когда отчасти подготавливался, отчасти совершался переход от каменного века к бронзовому. Это — приблизительно третье тысячелетие до нашей эры. Как раз в эту эпоху происходил ряд переселений из Средней Азии в разные стороны под влиянием перемены естественных условий. Суза в древнем Эламе была одним из тех этапных пунктов, через которые катились эти переселенческие волны. «Расположенная на реке Керка, Суза занимала важную стратегическую позицию у начала караванного пути, соединявшего Иранское плоскогорье с низовьями Тигра и Ефрата и побережьем Персидского залива».³ Через Сузу шли Сумерийцы, которые, смешавшись с семитскими племенами, пришедшими с Аравийского полуострова, создали затем древнюю Вавилонскую культуру в Месопотамии. Через Сузу шли и кочевники, совершавшие впоследствии набеги на сумерийцев и Вавилон.

Это Средняя Азия выбрасывала из своего кратера все новые и новые сгустки племен и народов. «Сейчас можно считать установленным», — пишет Леонард Кинг, — «что периоды засухи и крайнего бесплодия заставляли жителей бросать обширные пространства и они были вынуждены, время от времени, искать более благоприятных мест. Тогда как кочевые племена в поисках свежих пастбищных угодий могли пускаться в путь через широкие степи на север и на запад от Туркестана, народы земледельческие были принуждены поворачивать на юг от Каспия».⁴

Вероятно, одна из кочевых волн была выброшена к берегам Желтой реки и принесла сюда с собой те культурные завоевания, которые она усвоила еще у своего первоисточника, в Центральной Азии.

Не нужно забывать, что климатические условия того времени на пространстве между Каспийским морем и нынешним Китаем были гораздо более благоприятны, чем в настоящее время.

До раскопок Андерсона считали, что «триподы», жертвенники на трех ножках, принадлежащие Чжоуской эпохе, являются самобытным китайским произведением, а отнюдь не позаимствованы

¹ «Prehistoric India» by Panchalan. Mitra. Calcutta. 1923.

² Треугольники с вогнутыми сторонами.

³ «A History of Sumer and Akkad» by Leonhard. W. King. London. 1923, стр. 335.

⁴ King. Стр. 357 — 358.

откуда-либо. Теперь оказывается, что такие же жертвенные сосуды существовали вне Китая задолго до Чжоуской эпохи. Таким образом, китайская история выходит из состояния «блестящей изоляции» и включается в международный оборот. Вместе с тем, ее изучение переходит на почву объективных исторических фактов.

Выводы антропологии в этом отношении сходятся с выводами археологии. «Маловероятно, что Китай был обитаем в палеолитические¹ времена. Несмотря на большое количество найденных орудий, до сих пор, видимо, не найдено ни одного такого, которое бы можно было отнести к более раннему периоду, чем неолитический.²

Не может быть больших сомнений в том, что в Китае была довольно поздняя неолитическая культура. Во всяком случае, интересно отметить, что найденные при раскопках скелеты не отличаются от современных обитателей этой местности. Очевидность заставляет думать, что мы ошибались, связывая термин китаец с определенным физическим типом, это скорее лингвистический и культурный тип». ³ И тот же автор добавляет, что, «по всей вероятности, не только западная культура, но и физические свойства западного человека наложили свой отпечаток на население Китая в ранние времена». ⁴

Факты, действительно, упрямая вещь, если даже преподавателю Оксфордского университета приходится признать, что физические различия между арийцами и желтой расой, «в конечном счете, сводятся к местным особенностям!» ⁵

Что остается от лошадиной, ку-клукс-клановской теории о «желтой опасности» и «избранной» белой расе?

Ничего, кроме карманных расчетов вырождающихся классов! . .

Бекстон, следовательно, в связи с последними раскопками, приходит к выводу, что север Китая был заселен довольно поздно пришельцами извне, с запада, которые по всем своим качествам почти ничем не отличались от своих современников на Западе.

Об этом же свидетельствуют и орудия, найденные при раскопках в Манчжурии и Хэнани. Халцедоновые наконечники стрел, каменные

¹ Древнейший каменный век.

² Позднейший период каменного века.

³ «The Peoples of Asia» by L. H. D. Buxton. London. 1925, стр. 158 — 159.

⁴ Там же, стр. 166.

⁵ Там же, стр. 247.

ножи, топоры, костяные иглы, — все это обычный инвентарь племен, занятых частью охотой, частью скотоводством и лишь начинающих свой переход к земледелию. Что занятие скотоводством и земледелием очень долго совмещалось с занятием охотой, в этом не может быть никаких сомнений. «Введение скотоводства и земледелия не положило конца охоте, но постепенно охота, ставшая уже не нужной для существования, сделалась второстепенным занятием. Вероятно, народ не о- л и т и ч е с к о й эпохи добывал себе средства к существованию от диких зверей и от своих стад в одинаковой мере». ¹

При раскопках в Манчжурии в пещерах было обнаружено много костей свиней, по всем данным домашних. Свинина и по сей день служит главной мясной пищей в Китае.

Андерсон предполагает, что в этот период и в Манчжурии, и в Хэнани люди уже обрабатывали землю, хотя и самым первобытным способом.

При раскопках не нашли никаких следов употребления металла. Обычно применение гончарного колеса совпадает с переходом к металлическим орудиям. Основываясь на этом, некоторые пытались отрицать, что раскопки открыли нам поздний каменный век в Китае. Однако, Андерсон вполне правильно заметил, что «народ, имеющий легкий доступ к металлу, никогда не стал бы выделывать все эти орудия из худшего материала». ² Во всяком случае, пещерные обитатели неолитической эпохи в Манчжурии и Хэнани были еще далеки от того, чтобы окончательно перешагнуть границу между камнем и металлом.

Вопрос о металле вообще имеет весьма существенное значение для китайской истории. Он освещает, так сказать, исторические расстояния и «вводит в рамки» фантастические преувеличения китайских летописей, бывших изделием дворцового производства.

«Начало железного века (в Китае) может быть отнесено к векам, непосредственно предшествовавшим периоду «Всены и Осени» (722 — 481 г. до нашей эры). Но замена бронзовых изделий изделиями из железа подвигалась лишь очень постепенно и переходный период длился более, чем 500 лет». ³

Здесь полезно сравнить Китай с Индией. «Железо в Индии появилось во времена распространения Эгейского ⁴ влияния на Востоке, между 2000 и 600 г. до нашей эры и, следовательно, совпало с эпохой

¹ «Prehistoric Man» by Jacques de Morgan. London. 1924, стр. 162.

² «An Early Chinese Culture», стр. 29.

³ The Iron Ores and Iron Industry of China». Part II, by F. R. Tegengren. Peking. 1923 — 1924, стр. 297 — 298.

⁴ Средиземноморской культуры.

Вед»,¹ которую, кстати сказать, относят к 1500 — 1000-му году до нашей эры.

В древности Индия была очень богата металлами, начиная с золота и кончая железом. Это материальное богатство служило фундаментом развития древней арийской цивилизации в этой стране. Без него белые завоеватели Индии не смогли бы так быстро цивилизоваться и покорить ее первоначальных лесных обитателей — дравидов и других.

Между тем, в Индии железный век вступил в свои права лишь около тысячного года.

Спрашивается, как северный Китай, несравненно более бедный рудами, мог «выскочить» на более высокую ступень цивилизации в совершенно «незапамятные времена»?

Очевидно, бронзовый век в Китае был довольно запоздалым.

Надо полагать, что эта медленность перехода от каменного века к железному, вызванная сравнительной скудостью минеральных запасов, отразилась и на хозяйственном развитии. Поэтому, никак нельзя согласиться с тем взглядом, что китайцы никогда не знали мотыжного земледелия и сразу же перескочили к плугу, став, благодаря этому, тотчас же «избранный» земледельческой нацией.²

Смотреть на дело так значит подменять исторический процесс выработки и развития земледельческой культуры каким-то необъяснимым чудом, значит верить на слово сказкам династической истории, возвеличивающей «древних императоров» по заказу.

Продвигаясь от Желтой реки к Ян-Цзы и дальше на юг, пришельцы с запада постепенно вытесняли местные племена, жившие в центральных и южных провинциях нынешнего Китая. Им удалось это далеко не сразу. Почти на протяжении всей китайской истории шла эта борьба. Эти бывшие соседи или, правильнее сказать, вполне равноправные с китайцами участники «до-исторического» периода китайской истории до сегодняшнего дня сохранили свою привязанность к мотыжному земледелию.

Вот для примера одно из этих племен Карен (Karen), живущее в настоящее время на горных склонах в Индо-Китае.

«Вместо того, чтобы обрабатывать рисовые поля путем основательного орошения, которое дает три урожая, Мои (Moï) ждут до ноября, конца дождливого времени года. Тогда они расчищают часть леса, достаточную для того, чтобы вырастить урожай для всего населения деревни. В апреле они поджигают сваленные деревья, высушенные

¹ Mitra, стр. 195.

² «Jade» by Berthold Laufer.

уже солнцем. В течение нескольких дней весь горный склон иллюминирован этими огромными кострами и треск деревьев слышится на несколько миль вокруг. Наконец, земля покрыта слоем тонкого пепла, который смешивается с землей при первом дожде. Тогда начинается посев. Вооруженные заостренной палкой, женщины делают углубления в земле и бросают туда семя. Дожди, а затем и сама земля завершают работу. Быстро наполняются корзины и общественные зернохранилища набиваются драгоценным зерном. Как бы урожай ни был хорош, его редко хватает для поддержки населения до ближайшего урожая. Чаше наступает нехватка и в течение нескольких недель племя питается бамбуковыми побегами и лесными корнями». ¹

Мотыжное земледелие делает необходимым охоту или скотоводство, или то и другое вместе, как параллельный источник существования.

Решающую роль в переходе полукочевых племен северного Китая к земледелию сыграла лёссовая почва. Нам придется еще много говорить о ней. Сейчас же достаточно сказать, что, по общему признанию геологов, она является самой плодородной почвой, требующей наименьших затрат на удобрение. Вплоть до Ханьской династии, то есть до второго века до нашей эры, события китайской истории разыгрываются только в лёссовом районе, — в речных долинах провинций Шэньси и Шаньси и по течению Желтой реки, в нынешних провинциях Хэнань, Шаньси и Шаньдун. Преимущества лёссовой почвы было не только ее плодородие. Она предоставляла человеку также и удобное жилище, не требующее почти никакого труда на свое устройство. Еще и до сих пор в лёссовом районе встречаются целые деревни, живущие в пещерах. ² Вслед за первыми пришельцами, начинавшими оседать на севере Китая, прокатился целый ряд других волн кочевых переселенцев. В китайских летописях они фигурируют под общим именем «варваров». Однако, даже в этих подчищенных и подправленных летописях взаимодействие между «цивилизованной» частью населения и варварами настолько тесное, что их трудно отделить друг от друга. Великая китайская стена, построенная на исходе третьего века до нашей эры Ши-Хуан-Ди, до известной степени подвела итог первоначальному периоду оседания кочевых и полукочевых племен на землю.

¹ Indo-China and its Primitive People» by Henry Baudesson, London, стр. 18 — 19.

² «Comptes-Rendus de dix années (1914 — 1923) de séjour et d'exploration dans le bassin du fleuve Jaune», par Emile Licent, 1924. Tientsin.

Только с этого времени начинается собственно китайская история. До этой поры, с одной стороны, происходит процесс взаимной ассимиляции различных племен, лишь с большим трудом порывающих с кочевым и охотничьим образом жизни; с другой стороны, совершается расслоение между ними на основе подбора тех качеств, которые необходимы для более устойчивой земледельческой культуры. Через голову обитателей северного Китая перекачиваются на юг — одна за другой — кочевые волны. Каждая оставляет кое-что от себя, каждая, в известной доле, «вкладывается» в процесс выработки основ земледельческой цивилизации. Лишь в конечном счете на этом фундаменте складывается и формируется китайская цивилизация.

Все увеличивающееся различие в степени культурного развития разводит в разные стороны части одной и той же расы, а иногда и части одного и того же племени.

«Начальным источником китайской цивилизации был северо-восток Хэнани. Географически и социально здесь находилась Срединная империя. Окружающие ее обитатели были варвары не потому, что они принадлежали к расе, отличной от китайцев, но потому, что они отказывались (?) принять цивилизацию, выросшую у известной части их расы».¹

— «Преподобный» Джон Росс тут несколько забежал вперед, попытавшись противопоставить китайцев их ближайшим соседям уже на начальной ступени развития. Ему представляется, что земледельческим племенам с самого начала принадлежала и экономически и политически главенствующая роль. «Преподобному отцу» совсем «не полагается» знать истории экономического быта. Но характерно, что даже и он вынужден класть в основу перегруппировки племен в обстановке полупервобытного хаоса хозяйственный признак. Только хозяйственный признак, а никакой другой, может объяснить непрерывность перехода кочевых и полу-кочевых племен к земледельческой культуре на протяжении более чем тысячи лет.

Таким образом, вопрос о происхождении китайцев сводится к вопросу о переходе к земледелию первоначальных пришельцев с запада и тех кочевников, которые последовали за ними в долину Желтой реки и в лёссовый район. Первоначальные поселенцы принесли с собой из Средней Азии первичные начатки культуры, обусловленной необходимостью перехода к земледелию. Эти зародыши

¹ «The Origin of the Chinese People» by John Ross. London, 1916. Стр. 7.

могли развиваться в самостоятельную экономическую силу только в условиях лёссового района, исключительно благоприятного для земледелия. Но этим зародышам приходилось расти и крепнуть в обстановке постоянного взаимодействия с кочевым бытом. Отсюда своеобразная форма разделения труда между оседлым земледельческим хозяйством и кочевым и полу-кочевым бытом.

2. «РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА» МЕЖДУ КОЧЕВНИКАМИ И ОСЕДЛЫМИ.

«Усидчивую работу араб считает вещью, которую едва ли можно требовать даже и от женщины, она годится только для рабов. — «С ть д и с ь в с т у п и т ь в с е м ь ю с п л у г о м ! » Таково же представление о земледелии туарегов или кочевников-бербер в Алжире, как сообщает нам Готье в «Geographical Review» (в Географическом Обозрении) за январь 1921 г. Их «тошнит от городов». Тем не менее, значительная часть кочевников постепенно отходит от бродячей жизни и становится крестьянами. Но «кочевое племя, разоренное потерей своих верблюдов, а значит и всего своего имущества, переходит к оседлой жизни с горечью в сердце. Это самое большое несчастье, невознаграждаемая утрата общественного положения» (Готье). Великий историк Ибн Холдун, говоря о выродившихся потомках древних кочевых племен, замечает, что «они опустились до того, что платят налоги». . . Естественный отбор действует достаточно сильно в этом процессе обособления кочевников от земледельцев. Некоторые кочевники могут отправляться в хорошо орошаемые районы в качестве завоевателей, вообще же крестьянами становятся те из них, кто раньше пал в борьбе за существование или (?) проявляет особую склонность к земледелию». ¹

— В этом описании, конечно, сквозит англо-саксонское презрение к кочевникам, которые еще слишком далеки от того, чтобы стать наемными рабами капиталистической фабрики. Поэтому-то они и обвиняются в склонности к безделью и т. п.

Тем не менее, совершенно несомненно, что, первоначально, занятие земледелием было достоянием низших общественных слоев, занимающих подчиненное положение, сначала женщин, а затем оседлых родов, общин или племен. И в этом смысле здесь действовал феодальный принцип, утверждавший, что позорно добывать потом то, что можно добыть кровью. В Средней Азии широко практиковалась специальная охота на рабов, которых приставляли к обработке земли.

¹ «The Character of Races» by E. Huntington, 1925, стр. 123.

У независимых Лоло (Lolo), живущих теперь на южной границе Китая и бывших в древности обитателями собственно-китайской территории, мы наталкиваемся уже в современную эпоху на следующий порядок: «Независимые Лоло живут при феодальной системе. Вся земля принадлежит господам. Последние уважают больше всего военное искусство и занимаются им прежде всего; правда, что они не пренебрегают и литературой. Земледельческие профессии они не ценят. Земледелие, по их мнению, дело крепостных и рабов; значит, они должны иметь рабов и крепостных, и китайцы тут же доставляют их; их ловят, а потом доставляют в горы».¹

На стороне кочевников — по сравнению с земледельцами в давние времена — было, в первую очередь, то преимущество, что они были лучшими воинами, лучшими бойцами.

Еще в Ханьскую эпоху, во втором столетии до нашей эры, мы слышим жалобы на военное превосходство гуннов.

«Устройство гуннской территории и присущие ей особенности не похожи на те, к которым мы привыкли. Наши лошади малопригодны для того, чтобы лазить по горам и переходить вброд реки; наши всадники не подходят для того, чтобы дико скакать по обрывистым горным тропам, стрелять на ходу; наши солдаты не привыкли к холоду, голоду и жажде. Во всех этих отношениях гунны превосходят нас».²

Племена и роды, раньше других переходившие к земледелию, при тогдашнем состоянии военной техники и тактики, неизменно оказывались более слабыми в военном отношении. За переход к более производительному способу добывания средств существования приходилось расплачиваться данью.

Древнее название феодалов в Китае было лучники, стрелки из лука (archers). Лук был главным оружием этой эпохи, искусство стрельбы из лука выделяло человека из массы, делало его профессионалом войны, — занятия тогда весьма популярного.

Война и охота были бытом для этих избранных. Описывая обстановку более позднего периода, китайская летопись рассказывает, что «сын неба и феодальные принцы, если их не задерживало более важное дело (война, путешествие (!) или траур), устраивали ежегодно три охоты — летом, осенью и зимой: во-первых, для того, чтобы добыть мяса, которое нужно было сушить и приносить в жертву духам

¹ «In Forbidden China». — The d'Ollone Mission 1906 — 1909. By Vicomte d'Ollone. London. 1912. Стр. 62.

² «Gems of the Chinese Literature» by H. A. Giles. Shanghai. 1912. Стр. 69.

в деревянных сосудах; во-вторых, чтобы запастись для гостей и посетителей; в-третьих, чтобы снабдить запасами собственную кухню».¹

Отсюда явствует, что для феодальных владык охота была значительным хозяйственным подспорьем.

Вплоть до начала нашей эры величина каждого княжества и сила его определяются по числу боевых колесниц, которые оно в состоянии выставить.

Обычная боевая колесница, считавшаяся главным элементом китайского войска, была запряжена четырьмя лошадьми. Управлявший колесницей находился посередине; один воин, вооруженный копьем, стоял от него направо; другой, вооруженный луком и стрелами, — налево. Группа солдат придавалась к каждой колеснице. Таким образом, название «колесница» было собирательным именем (подобно отделению копьеносцев в Англии, например). Колесница представляла силу в семьдесят человек и четыре лошади... Хотя считалось, что император владеет силой в 10 000 боевых колесниц, а вассал имеет 1 000 колесниц, и есть упоминание о силах в 3 000 колесниц (до 300 000 человек), на деле их число было меньшим».²

Раньше, чем боевая колесница стала «счетной» единицей строгой и оформленной военной организации, она играла несколько иную роль, — более самостоятельную и более всестороннюю. Она обслуживала потребности патриархально-родового кочевого быта. На этих «колесницах»-кибитках, со всем своим скарбом и вооружением, перемещались с кочевки на кочевку патриархальные роды. Все их богатство заключалось в скоте, и эти «колесницы» и юрты были почти единственным продуктом «искусственной» цивилизации.

В знаменитой летописи «Весны и осени» один провинившийся феодал просит, чтобы ему «позволили отправиться в чужую страну с пятью колесницами».³

В другом месте ее говорится, что «они дали им триста боевых колесниц и поручили хранить страну».⁴

Кочевой род постепенно превращается из патриархальной, полукommунистической организации в военную дружину с кня-

¹ «Li-Ki». (Описание этикета и церемоний.) Traduit par S. Couvreur. 2. Edition. Tome premier. 1913. Стр. 282.

² «China of the Chinese» by E. T. C. Werner. London. 1920, стр. 167 — 168.

³ «Tch'ouen Ts'iou et Tso Tchouan», trad. par. S. Couvreur. Tome III. 1914. Стр. 390.

⁴ Tome II, стр. 173.

зем во главе. Он либо силой подчиняет маломощное земледельческое и полукочевое население, либо принимает на себя «охрану» его, гарантируя себе получение соответствующей дани. Таким образом, он становится феодальным держателем определенной территории, присваивая себе верховное господство над ее жителями.

Энгельс указывал в свое время, что «крепостное отношение не является специфической средневеково-феодальной формой, мы встречаем его всюду, где завоеватели заставляют старых жителей обрабатывать землю». ¹

Это «наложение» патриархально-родовой организации завоевателей на подчиненные им роды, общины и племена объясняет, почему в Китае пресловутый патриархальный, семейно-родовой принцип был привилегией феодальной верхушки. Китайская древняя история очень тщательно подчеркивает различие между «ста семьями» и «черным» или «черноголовым» народом.

Обычаи, так называемых, китайских князей и императоров удивительно похожи на обычаи монголов при Чингис-хане.

В Китае, как наставительно рассказывает конфуцианская книга церемоний, «стрельба из лука указывала путь и служила средством воспитания добродетели в людях. Стрелок из лука стремился обладать прямою душой и телом». ²

У чингисовских соратников гораздо более поздних времен точно такой же взгляд на зависимость добродетели от меткого глаза: «Молодцы умирают с луком и стрелами; разве так не славно?» ³

В Китае — раздел подчиненной территории, по старшинству, между хозяевами соответствующего количества боевых колесниц.

И у Чингиса такой же порядок: Чингис сказал Харчи: «в юности моей, ты произнес о мне пророческие речи, делил со мной труды и был мне товарищем. В то время ты сказал: коли сбудутся мои пророческие слова, то дай мне 30 жен. Теперь они сбылись. Даю тебе волю выбрать 30 прекрасных жен и девиц в покорившихся народах. Кроме того, соединив 3 000 рода Баали с родами Адарки и другими, управляемыми Тагаем и Ашиком, и составив из них 10 000, будь их темником и управляй ими. Ставь свое становище по твоему выбору среди лесных народов, ⁴ по реке Эрдиши и охраняй тамошнюю страну; все дела

¹ Энгельс Марксу 22 декабря 1882 г. «Письма», пер. В. Адоратского.

² «Li-Ki». Tome second, Couvreur. 1913, стр. 678 — 679.

³ «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане». «Труды членов российской духовной миссии», том IV, Пекин. 1910, стр. 49.

⁴ В Урянхайском крае.